

**ВОЗДЕЙСТВИЕ Г. Н. ПОТАНИНА НА ФОРМИРОВАНИЕ
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА**

Непосредственным поводом для данной работы послужило обнаружение в ГАРФ переписки известного общественного деятеля, сибирского мыслителя и литератора Г. Д. Гребенщикова с активным деятелем евразийского движения К. А. Чхеидзе, ближайшим сподвижником П. Н. Савицкого и одним из руководителей пражских евразийцев в 1930-е гг.¹ Наличие этой небольшой, но примечательной переписки позволяет продолжить исследование малоизученного вопроса о соотношении взглядов Г. Д. Гребенщикова и евразийцев в контексте общего развития сибирской областнической мысли в первой половине XX в. Для историографии этот сюжет достаточно нов. В последнее время он затронут в монографии В. Н. Леонова, посвященной культурфилософским идеям Г. Д. Гребенщикова. [1. С. 50–53] На наш взгляд, значимость сюжета такова, что он заслуживает самостоятельного изучения как важный аспект истории русской и, в частности, сибирской общественной мысли.

Линия Г. Н. Потанина и сибирского регионализма в советское время в общественной мысли и науке Сибири была прервана. В 1930-е – 1970-е гг. полноценное восприятие его общественно-политических воззрений, идей областнического регионализма было практически невозможно. Однако в сибирской общественной мысли первой половины XX в. все же имеется линия преемственности, и идет она от Г. Н. Потанина к Г. Д. Гребенщикоу.

Прежде чем конкретизировать влияние Г. Н. Потанина, остановимся на некоторых моментах биографии Г. Д. Гребенщикова. Родился он в 1884 г. в с. Николаевский рудник Томской губ. Однако если обратиться к современной карте, то находится его родина – Шемонаихинский район – в Казахстане, в Рудном Алтае, на территории Восточно-Казахстанской области. Такое положение малой родины позволяет связывать его (так же, как и Г. Н. Потанина) не только с Россией, но и с Казахстаном, не только с русскими, но и с казаками. И в этом нет ничего нарочитого или искусственного. Рудный,

Юго-Западный Алтай был непосредственно связан с Казахской степью. Даже в семейной генеалогии Г. Д. Гребенщикова отразилась специфика этого региона. Если его мать происходила из русских алтайских казаков, то отец имел степные корни. Так, по данным А. Кратенко, происхождение Г. Д. Гребенщикова такое: «мать казачка, а дед по отцу был сыном казака Тарухана (или Тарлыкана)» [2]. Кстати, именно это тюркское имя, Тарухан, использовалось Н. К. Рерихом в контактах с Г. Д. Гребенщикоуым [1. С. 87]. Есть и иные, но похожие точки зрения. Так, А. П. Казаркин замечает, что созданный Г. Д. Гребенщикоуым в эмиграции гимн «хану Алтаю» (в книге «Моя Сибирь») – это легендарная родословная автора. Его предков по отцу – алтайцев – когда-то называли «белыми калмыками» [3. С. 195]. Сам же Г. Д. Гребенщикоу указывал, что «по отцу я потомок монголов, а по матери – сибирский казак»². И это признание является, на наш взгляд, отнюдь не второстепенным фактом его личной и творческой биографии.

Так же, как и для Г. Н. Потанина, тюрко-монгольский Восток (степной и горный) для Г. Д. Гребенщикова не был объектом внешнего, или, тем более, академического интереса. Европа и Азия органично соединились в нем самом, и в истории того региона, где он родился и стал писателем. Поэтому совсем не случайные и совсем не ориенталистские интересы привели к тому, что предметом многих ранних его произведений 1900–1910-х гг. стали сюжеты из тюркского мира. Г. Д. Гребенщикоу формируется как мыслящая личность на алтайско-казахской тематике, он реалистично показывает непростое положение русских, казаков, алтайцев в ситуации начала XX в., когда трансформировался традиционный уклад жизни. В 1913 г. в связи с выходом 1-го тома его рассказов «В просторах Сибири» В. Я. Шишков отметил: «Автор любит свою родину... Он любит и по-особому чувствует дикую красоту и мощь Алтая, любит киргизские степи с вольной жизнью их обита-

¹ ГАРФ. Ф. 591. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–9.

² Там же. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 50. Л. 2. *Гребенщикоу Г. Д.* На склоне дней его (Из воспоминаний о Гр. Ник. Потанине).

теля – киргиза» (цит. по: [4. С. 71]). Позитивный взгляд на казахов со стороны русского человека свидетельствует, что Г. Д. Гребенщиков лишен того высокомерно-шовинистического взгляда на «инородцев», который был присущ определенной части русского общества.

Отношение Г. Д. Гребенщикова к тюркам не ограничивается внешним описанием соседского быта. Как отмечает П. Поминов, опыт создания в повести «Ханство Батырбека» (1913) характера героя-казаха изнутри «не был бы возможен не только без знания бытовых особенностей самого уклада жизни степняка, но и свободного владения казахским языком» [5. С. 106]. На первый взгляд такое допущение кажется гипотетичным, но знанию Г. Д. Гребенщиковым казахского языка есть подтверждение. Встретив на фронте мировой войны казаха из Каркаралинска Эмекея, Г. Д. Гребенщиков свободно общается с ним по-казахски, о чем красочно написано в очерке «Каркаралинский мещанин» [6].

В начале XX в. сибирская литература, по замечанию А. П. Казаркина, «с трудом могла противостоять подчиняющему воздействию “столичной” традиции, вторично европейской, не чуткой к Востоку» [2. С. 196]. Молодой Г. Д. Гребенщиков и олицетворял собой, на наш взгляд, именно вот эту дефицитную в европейской России «чуткость к Востоку» – к Востоку как сибирско-старообрядческому, так и к тюрко-монгольскому. Подчеркнем, внимание к русско-тюркским сюжетам, характерное для Г. Д. Гребенщикова, является не привнесенной, а изначальной особенностью его творчества. И эту особенность мы можем обозначить не как европейско-колониальный по своей сути взгляд, а как евразийскую мыслительную тенденцию. Ш. Р. Елеукинов так пишет о Г. Д. Гребенщикове: «русский писатель, воспитанный на традициях евразийской культуры» [7. С. 43]. Полагаем, что эта точка зрения верна, понимая под евразийством здесь не конкретную доктрину, а практику позитивных русско-тюркских, евразийских отношений.

Вот будучи таким стихийным «евразийцем», человеком, для которого степной мир был совсем не чужим ни по менталитету, ни этнически, ни по языку, и встретился Г. Д. Гребенщиков с Г. Н. Потаниным 28 декабря 1909 г. [8. С. 284]. В какой же степени повлияли на него областническо-регионалистские, осознанные евразийские идеи Г. Н. Потанина?

Обратимся к самому Г. Д. Гребенщикову. В письмах 1911–1917 гг. к Г. Н. Потанину корреспондент, которому было тогда 27–32 года, исключительно уважительно обращается к адресату, как правило: «дорогой», «милый, хороший Григорий Николаевич», «милый, дорогой учитель», «любимый, дорогой Григорий Николаевич», «дорогой отец родного края». Столь же

характерны и подписи: «любящий Вас», «преданный Вам Г. Гребенщиков», «обнимаю Вас, как преданный сын», «Ваш весь душою» [9]. Содержание писем свидетельствует о самых теплых чувствах автора. В ноябре 1912 г. Г. Д. Гребенщиков в Петербурге, он выступает в Сибирском собрании с докладом об Алтае. Там его зовут «Малый Сибиряк», относя, разумеется, слово «Большой» к самому Г. Н. Потанину. В ноябрьском письме из Петербурга Г. Д. Гребенщиков обращается к Большому Сибиряку: «...клянусь Вам... по мере сил оправдать оказанное мне доверие... я необычайно рад тому, что силы, излучающиеся из Вас, Григорий Николаевич, не уходят в пространство, а питают наши сердца и души, и это питание является лучшею порукой того, что у Сибири будет расти своя интеллигентская среда, свято держащая светлое знамя с написанными Вами словами: “Все лучшее – для своей родины!..” От уверенности в этом я чувствую необычайный подъем энергии. Аминь!» [9. С. 260].

В марте 1914 г. Г. Д. Гребенщиков в связи с публикацией воспоминаний Г. Н. Потанина в томской «Сибирской жизни» вновь эмоционально пишет: «Как радостно сознавать, что Господь Бог наградил Вас неувядающей свежестью мысли, молодостью чувства и феноменальной памятью!.. В Ваших статьях всегда столько теплоты и света, бодрости, что... проникаешься светлой благодарностью к Вам и любовью» [9. С. 170].

Особенно примечательно письмо от 21 сентября 1915 г., к 80-летию Г. Н. Потанина. Г. Д. Гребенщиков подчеркивает «историческое значение» «большой работы» Г. Н. Потанина, которое, как он пишет, «не мне оценивать». «Какой это великий подвиг – прожить в условиях русской жизни восемьдесят лет, из которых по крайней мере 60 отдано работе... Вы – титан, Григорий Николаевич, Вы каменный богатырь... Вы уцелели вместе с Вашими бессмертными идеалами...» Г. Д. Гребенщиков называет Г. Н. Потанина «полубогом», к которому души тянутся «как растение к солнышку». И потому, «если есть какой-либо Большой Бог справедливости... он вознаградит Ваши страдания, Вашу подвижническую жизнь, Ваши колоссальные труды тем, что исполнит Ваши желания, украсит нашу великую мать-родину культурой и светом... Я верю, горячо верю в славное близкое будущее колыбели великого Потанина!» [9. С. 170].

Тогда же, в 1915 г., Г. Д. Гребенщиков публикует свой знаменитый очерк «Большой сибирский дедушка» [10]. А в письме 25 июля 1916 г. уже из действующей армии называет Г. Н. Потанина «Батькой» [9. С. 174]. 15 декабря 1916 г. пишет с Юго-Западного фронта: «Будем надеяться, что в Новом году победоносно окон-

чим войну и утвердим обновленную, благозвучную и трезвую Россию и процветающую, культурную Сибирь». И на фронте он подчеркивает свое духовное родство с Г. Н. Потаниным: «В своих мыслях о Сибири с Вами и под Вашим духовным обаянием всегда, ныне и пришло и во веки веков» [9. С. 177].

Примечательно письмо Г. Д. Гребенщикова, написанное через год, 29 декабря 1917 г.: «...Особенно радостно было узнать, что в Сибири во главе республики поставлены Вы, первый печальник и борец за ее самобытное самоопределение, Вы – первый знаменосец сибирского патриотизма, а мы, Ваши ученики... идем за Вами дружной молодой ратью и объединяемся под Вашим знаменем для неусыпной и творческой работы на Родине... Дорогой отец родного края! Вы знаете, как мы любим Вас... И Вы поверите, как болит наша душа от того, что мы не можем немедленно приехать к Вам на помощь. Но знайте, что сибиряки везде уже работают на пользу родины, объединяются и поддерживают Сибирскую республику» [9. С. 178]. И в конце: «Горячо обнимаю Вас, дорогой Григорий Николаевич, и низко кланяюсь друзьям, Вас окружающим и помогающим Вам в славном деле создания и утверждения Сибирского государства» [9. С. 179].

Таков восторженно-приподнятый отклик Г. Д. Гребенщикова с Украины по поводу известий о создании Временного Сибирского областного совета. Таково в целом его личное отношение к Г. Н. Потанину, каким оно выявляется из писем 1911–1917 гг. Сама тональность обращений Г. Д. Гребенщикова свидетельствует о том воздействии, влиянии, какое имел на него «отец родного края». Переписка показывает, что между Г. Н. Потаниным и Г. Д. Гребенщиковым установились в 1910-е гг. не просто формально-вежливые отношения, но отношения «учитель – ученик».

Одним из основных следствий этого общения стало более глубокое осмысление Г. Д. Гребенщиковым судьбы народов Сибири и Степного края и, в частности, русско-тюркского соседства. Его стихийно-евразийское, народное отношение к тюркам, лишенное административно-колониального, и, тем более, петербургско-имперского превосходства и высокомерия, в непосредственном общении с Г. Н. Потаниным, с 1909 и по 1915 г., только укрепилось. И то, что изначально было естественным, стихийным взглядом человека из простого народа, постепенно становилось осознанным чувством, серьезной мыслью. По иному и быть не могло, ведь «все молодое и провинциальное, из глухих аулов, из остяцких чумов» – все направлялось к Г. Н. Потанину³.

Через Г. Н. Потанина Г. Д. Гребенщиков вышел к пониманию важности этнографических исследований народов Сибири и Степного края и сохранения традиционной культуры. Хотя изначально, по молодости, он и не имел представлений о значимости этнографии. Когда в 1907 г. он познакомился с «Очерками Северо-Западной Монголии», то первая реакция была такой: «Мне казалось невозможным, чтобы один человек... мог столько написать об одной какой-то стране... А главное – зачем так много?». Однако весьма скоро Г. Д. Гребенщиков, конечно, понял всю масштабность и значимость потанинских монографий, где «пытливый ум этнографа» разгадывает загадки прошлого [8. С. 284]. Более того, он и сам по настоянию Г. Н. Потанина в 1909–1911 гг., в летний период совершает поездки по Алтаю для сбора этнографических материалов. В 1909 г. Г. Д. Гребенщиков, с помощью своего друга А. К. Голимонта, переводит с польского на русский язык известную поэму Г. Зелинского «Киргиз», написанную еще 1842 г., в которой доброжелательно показаны образы степной казахской жизни и которая является ценным источником историко-этнографических сведений. В 1910 г. этот первый полный перевод, печатается в Томске, в книге «Бытовая Сибирь», а Г. Н. Потанин пишет по поводу этого события статью⁴. Таким образом, интерес Г. Д. Гребенщикова к познанию казахского мира не исчез с переездом в Томск и Барнаул, но, наоборот, под влиянием Г. Н. Потанина приобрел определенную глубину, основательность.

В 1912 г. Г. Д. Гребенщиков перепечатывает в «Жизни Алтая» очерк Г. Н. Потанина «Той» (от которого «в восторге») о свадебном празднике чемальских алтайцев. А ведь в завершение этой статьи Г. Н. Потанин пишет: «Нет, не истреблять нужно поэтическую традицию у алтайцев, а обеспечить ее продолжение» [9. С. 258–259]. Характерен отзыв Г. Д. Гребенщикова о казахском эпосе, точнее о некоем некачественном переводе с казахского на русский язык народного эпоса «Баян-Сулу». В том переводе, который попался в руки Г. Д. Гребенщикова, этот эпос, эта сказка, по его мнению, «изгажена так же, как если бы в крепкий кумыс влить скверненького лимонаду... да и самый сюжет разбавлен интеллигентской, чисто мишурной фантазией. А ведь в подлиннике сказка эта так прекрасна!» [9. С. 175]. Здесь обращает на себя внимание не только то, что Г. Д. Гребенщиков критикует фантазийный перевод, а то, что он знает и понимает оригинал знаменитого эпоса на казахском языке. Вновь мы видим, что он включен на ментальном и языковом уровне не только в русскую сибирскую, но и в

³ ГАРФ. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 10.

казахскую народную культуру. Вспоминая поездку Г. Н. Потанина в 1913 г. в Казахстан, в Сары-Арку, он пишет, что тогда летом Григорий Николаевич в степи «у своих друзей киргизов... не просто отдыхал», а, «конечно, пополнял отечественную этнографию»⁵. На самом деле так и было (см.: [11. С. 238–247]).

Итак, Г. Н. Потанин поддерживает и направляет стремление Г. Д. Гребенщикова к познанию народов региона. Их взаимоотношения в конце 1900 – 1910-е гг. позволяют констатировать: влияние Г. Н. Потанина на Г. Д. Гребенщикова в осмысленном восприятии этнокультурного разнообразия Алтая, Степного края, Сибири было весьма значительным.

При этом Г. Д. Гребенщиков с первых встреч с Г. Н. Потаниным стал проникаться не только этнографическим, но и областническим духом, идеей регионального самоуправления Сибири. В первую же встречу, в декабре 1909 г., Г. Н. Потанин подарил ему свою работу «Областная тенденция в Сибири», которую Г. Д. Гребенщиков прочел «в ту же ночь» [8. С. 286]. Известно, что Г. Н. Потанин возлагал на него определенные надежды и в феврале 1913 г. в письме в Петербург даже провел параллель, смутившую Г. Д. Гребенщикова, между ним и Н. М. Ядринцевым («Знамя Ядринцева лежит не поднятым, и я думаю, вы должны его поднять и понести в будущее»)⁶.

Однако в литературе имеется мнение, что «правоверным областником Г. Д. Гребенщиков... не стал» [12. С. 21]. У этой точки зрения есть основания. После окончания Первой мировой войны он не вернулся на Алтай, не включился в борьбу за новую «Сибирскую республику». Смутные годы Гражданской войны он проводит в Крыму, откуда в 1920 г. эмигрирует в Европу, живет во Франции, Германии. Но, неужели Г. Д. Гребенщиков отступник? Неужели все высокие слова в адрес Г. Н. Потанина и сибирской идеи, высказанные им в 1910-х гг., девальвированы и забыты?

Полагаем, что Г. Д. Гребенщиков, несмотря на все повороты жизни 1920-х и последующих лет, вряд ли мог забыть, или тем более пересмотреть свое отношение к Г. Н. Потанину. Уже став последователем Н. К. Рериха, он в 1929 г. пишет, что тот «первый после Потанина и Пржевальского возвысил голос в защиту Азии перед европейскими книжниками» [13. С. 63]. Иначе говоря, соотношение приоритетов между Г. Н. Потаниным и Н. К. Рерихом как защитников народов Востока признается Г. Д. Гребенщи-

ковым и спустя годы после смерти его первого учителя. И если Г. Д. Гребенщиков не продолжил дело Г. Н. Потанина в прямой общественно-политической борьбе за сибирские областнические идеалы, то он продолжил его работу в другом, не менее значимом направлении. Судьбе было угодно, чтобы он проникся другой важнейшей стороной потанинских идей – осмыслением Сибири, Азии, Востока.

Список литературы

1. *Леонов В. Н.* Культурфилософская концепция Г. Д. Гребенщикова. Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2004.
2. *Кратенко А.* Соперник Бунина // <http://ra.site.kz/spisok/kratenko.htm>
3. *Казаркин А. П.* Возвращение из Чураевки // Сибирские огни. 2005. № 1.
4. *Тарлыкова О.* Аристократ мысли и слова // Простор (Алматы), 2001. № 5.
5. *Поминов П.* Степное «тавро» русской литературы (Из истории русско-казахских культурных связей) // Простор. 2006. № 3.
6. *Гребенщиков Г. Д.* Каркаралинский мещанин. Страничка военного быта // Русские ведомости. 1916. № 146.
7. *Елеукунов Ш. Р.* Евразийский талисман. О литературных истоках движения // Евразийский талисман. Алматы: Білім, 1996.
8. *Гребенщиков Г. Д.* Большой сибирский дедушка (Из личных встреч с Г. Н. Потаниным) // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7.
9. *Письма Г. Д. Гребенщикова Г. Н. Потанину (1911–1917 гг.)* // Краеведческие записки / Вступ. ст., коммен. Т. Г. Черняевой, В. К. Корниенко. Барнаул, 1999. Вып. 3.
10. *Гребенщиков Г. Д.* Большой сибирский дедушка (Из личных встреч с Г. Н. Потаниным) // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1915. № 9–10.
11. *Кузгумбаева Ж. С.* Г. Н. Потанин в Сары Арке: по материалам историко-этнографической экспедиции 1913 года // Вестн. Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. 2005. № 1.
12. *Серебренников Н. В.* Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород, 2000.
13. *Гребенщиков Г. Д.* Зов Востока // Алтайский вестник. 2005. № 1 (7).

Материал поступил в редколлегию 13.10.2006

⁵ ГАРФ. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 50. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 15.